

Мария Сакаева

Svetlana Stephenson. Gangs of Russia: From the Streets to the Corridors of Power. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 277 pp. ISBN 978-0-8014-5387-8.

Мария Сакаева – заместитель директора экспертно-аналитического центра Ухтинского государственного технического университета (Республика Коми), магистр социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: Ухтинский государственный технический университет, ул. Сеньюкова, 13, офис 112, Ухта, 169300, Россия. eu.sakaeva@gmail.com.

Книга Светланы Стивенсон «Банды России: С улиц в коридоры власти» вышла в период попыток современного российского общества определить свою идентичность через отчаянную переоценку прошлого. Успевшее стать историей первое постсоветское десятилетие пока пользуется куда меньшим вниманием исследователей, чем советское прошлое. Общество также не спешит переосмыслить этот период, зачастую ограничиваясь понятным и привычным диагнозом «лихие девяностые». Современники охотно восприняли новую версию истории страны с центральной идеологемой государственной пропаганды о восстановлении великодержавной России – наследнице Советской империи. Светлана Стивенсон напоминает о том, что сегодняшняя Россия – это не преемница Советского Союза. Вызывающее ностальгию советское прошлое и период, когда страна «встала с колен», разделены десятилетием тотального коллапса. Книга «Банды России» заставляет читателя вспомнить о том времени, когда российские города боролись не за право проведения Олимпиады, Универсиады или саммита БРИК, а вступали на тропу войны за звание криминальной столицы страны.

В книге представлен всесторонний анализ бандитизма в Татарстане и «казанского феномена», оказавшегося, по справедливому замечанию журналиста Юрия Щекочихина, «наиболее изученной моделью явления», с которым столкнулось общество эпохи перестройки и гласности (Агеева 1991:13). Бандитский образ Казани начал формироваться в советское время не без активного участия журналистов и ученых (Агеева 1991). На сегодняшний день публикации о «казанском феномене» могли бы составить целую библиотеку (Гуров 1990; Салагаев и Позднякова 2005; Сафаров 2012; Salagaev 2001). Главное достоинство этого исследования заключается не столько в опровержении исключительности казанского случая, сколько в переоценке стандартных представлений о мире постсоветской организованной преступности.

С одной стороны, банды принято рассматривать как тотальное зло – они нанесли колоссальный ущерб развитию России. С другой стороны, согласно получившей широкое признание концепции силового предпринимательства (Волков 2005), банды выполняли остро необходимые функции регулирования насилия и обеспечения порядка, когда слабое государство в силу разных причин утратило способность гарантировать законность и защищать права собственности. Стивен-

сон не отрицает, что банды выступали регулятором насилия и участники криминального мира удовлетворяли спрос предпринимателей на защиту, но делает существенные уточнения. Во-первых, отношения между потребителями услуг (бизнесменами) и их производителями (бандами) в основе своей были асимметричными, в лучшем случае клиентелистскими, в худшем – хищническими. Услуги бандитских «крыш» не были результатом свободного выбора ларечников и владельцев парковок, бандиты «продавали защиту» прежде всего от самих себя (с. 70).

Во-вторых, у читателя возникает вопрос о цене порядка, обеспеченного теми, кто присвоил утраченную государством монополию на насилие. Не слишком ли высокую цену заплатило российское общество за тот капиталистический строй и социальный порядок, в становлении которых уличные банды и организованная преступность приняли самое активное участие? Эффект читательского вопрошания о цене возникает за счет постоянных отсылок к криминальным сводкам о «достижениях» казанских и других уличных банд и организованных преступных группировок (ОПГ) от Калининграда до Дальнего Востока. Проработанный автором колоссальный объем литературы дает представление о пристальном внимании к криминальному миру не только в российском академическом дискурсе, но и в исследовательской повестке всего мира. Однако важный, на мой взгляд, вопрос о цене остался вне фокуса исследования.

Книга показывает, что даже признанные концепции не всегда приближают нас к пониманию реальности, а знание о недавнем прошлом оказывается искаженным. Так, анализ рекрутации банд опровергает устоявшееся представление о социальной маргинальности их членов. Случай Татарстана и Казани показывает, что уличные банды и ОПГ были одинаково привлекательны для выходцев их рабочих семей и представителей интеллигенции, для студентов вузов и «гопников», для жителей мегаполисов и деревень, для завсегдатаев спортивных «качалок» и посетителей библиотек. Более того, рэкетеры практиковали насильственную рекрутацию тех, кто казался им полезен (с. 53–54). Одним из важнейших итогов исследования представляется вывод о том, что вхождение в мир банд не определялось ни классовой или национальной принадлежностью, ни идеологическими убеждениями или ценностными ориентациями, ни уровнем дохода или образования. В этом специфика российского случая, который Стивенсон анализирует в широком контексте опыта других стран. В эпоху тектонических перемен 1980–1990-х годов банда стала едва ли единственным институтом, который удовлетворял потребностям и интересам совершенно разных социальных групп. Когда школа, семья и государство оказались беспомощны в формировании актуальной для молодежи повестки дня, именно в банде находили друзей, единомышленников, учителей, защитников, «счастливую семью» (с. 115), поддержку и уверенность в завтрашнем дне.

Стивенсон пишет, что бандитские группировки возникли в позднесоветский период как социальный конструкт, значительно позже банда стала бизнес-организацией – в этом секрет ее неискоренимости. Автор убеждена, что понимание природы бандитизма и его роли в становлении российского капитализма не мо-

жет быть полным без многостороннего анализа банд как социального явления, зародившегося в еще 1970–1980-х годах. Улица и банды бросают вызов государству, завоевывают все новые экономические, символические и политические пространства, конкурируют за власть и ресурсы, знаменуют собой победу «детей» в их противостоянии с «отцами» – об этом писали и прежде исследователи постсоветского криминала, итальянской мафии, американских уличных банд. В книге представлен широкий обзор таких работ (см. например Adamson 2000; Gambetta 1993). Однако каждая из девяти глав этой книги постепенно разворачивает социальный мир бандитского сообщества в его многомерности и мультифункциональности. Автор предлагает более десятка оптик, через которые можно анализировать этот мир. Банда – это альтернативная структура молодежной жизни, локальная монополия силы, форма солидарности, мультифункциональный клан, бизнес-организация, патримониальный военный альянс, традиционная социальная форма и т. п.

«Лихие девяностые» стали питательной почвой для бандитского эпоса, кинематограф начала 2000-х годов поспешил придать криминальному разгулу глянцевого блеск. Вспомнить хотя бы сериал «Бригада» (2002) или художественный фильм «Бумер» (2003), которые были удостоены звания культовых. Надо признать, автору книги о бандитах удалось избежать их романтизации и идеализации – в частности, ставятся под сомнение нарративы информантов о бандитизме как инструменте восстановления социальной справедливости (с. 34–35), о бандитской этике и моральном кодексе (с. 114–115). Часть информантов настаивает на том, что многие рядовые члены банд мнили себя едва ли не «ангелами социальной мести», которые пришли расправиться с богатыми, свято чтит идеалы братства, ставили солидарность превыше наживы и предотвратили войну всех против всех на улицах российских городов. Эти нарративы звучат в тексте так же полновесно, как аналитические конструкции социальной теории о легальности, насилии и власти.

Меня как социолога, а в прошлом – журналиста – подкупает тот факт, что книга Стивенсон – это прежде всего история про людей. Голоса героев исследования, будь то бывший уличный бандит или юрист, звучат равноценно. Важное место в книге занимает описание их ценностно-нормативных установок, социальных связей, представлений о дружбе, братстве, справедливости, успехе и многом другом. Но все эти вопросы интересуют автора только в привязке к банде или улице. К сожалению, в тени остается жизнь этих людей вне преступного сообщества: взаимоотношения с семьей, работа, учеба. Поэтому читателю не всегда удается понять траектории жизни огромного поколения, которое принято называть «потерянным».

Большое внимание уделено личным историям вхождения в уличные группы, мотивации участия в бандах (с. 37–38, 51–52), обстоятельствам принятия насилия как нормы (с. 34, 190–193). Читателю предоставлена редкая возможность не только изнутри познакомиться с миром российского криминала, по-прежнему полного мифов, но увидеть разнообразные портреты представителей молодого поколения. Хотелось бы отметить гуманизм Стивенсон как писателя: она дает ге-

роям право на рефлексию, эмоции и чувства, как бы крамольно это ни звучало для социологов. Отчасти благодаря этому она обнаруживает глубинные основы бурного расцвета и устойчивости банд в России. Эти основы мощнее прагматических интересов обогащения, они не связаны только со слабостью государства и плохими институтами. Банда была практическим воплощением идеи о совершенном обществе, в них нашли свое полное воплощение дюркгеймовские социальные факты (с. 115). Я скорее поддерживаю неявную идею книги о том, что для поздней и постсоветской молодежи, оказавшейся в моральном вакууме, ментальные конструкции имели особое значение. В их сознании советские идеологемы не успели стать социальными фактами. Однако усвоенный дух коллективизма и солидарности (этот дух стал ключевым основанием роста и устойчивости банд), поиски идентичности вывели на дорогу по ту сторону закона. Если добавить сюда отмеченное Любовью Агеевой духовное и моральное отставание Казани и Татарстана по сравнению с другими промышленно развитыми регионами (Агеева 1991), становится понятно, почему улица стала питательной средой для зарождения новой морали, которая так ярко воплотилась в практике казанских банд.

При всех достоинствах работа «Банды России» не дает ответа на важный методологический вопрос о том, как изучать закрытые сообщества и опасные темы. Основная часть экспертных интервью и интервью с бандитами проводилась в Казани в 2005 году в рамках проекта под руководством эксперта по «казанскому феномену» Александра Салагаева, в 2011 году автор самостоятельно провела еще восемь интервью. Описание полевой работы этим ограничивается и вызывает немало вопросов. Как и по каким критериям проводился поиск информантов? Половина из опрошенных в 2005 году «бандитов» в возрасте 23–26 лет, четверо – старше 26, остальные – моложе 23 лет. Значит, не опросили практически никого, кто застал «казанский беспредел» конца 1980-х – 1990-х годов. По каким причинам не удалось наладить коммуникацию с живыми свидетелями расцвета банд и ОПГ, были ли такие попытки? Не объяснять же это мифом о том, что все они полегли в бандитских разборках или отбывают тюремное заключение. Как учитывались попытки манипуляции со стороны информантов? Влиял ли пол исследователя на степень откровенности и поведение информантов? В чем специфика изучения «бандитской» молодежи (учитывая давний опыт автора в исследованиях девиантных подростков: см. Stephenson 2006)? Как устанавливался доверительный контакт с информантами? На какие темы и почему они отказывались говорить? Поиск стратегии полевой работы, ограничения эмпирического исследования, специфика коммуникации с информантами – все это остается за кадром.

Не покидает ощущение, что книга ориентирована на западного читателя. Она поддерживает образ «империи зла», где бандиты не просто проникли в высшие эшелоны власти, а буквально вся политическая и экономическая элита вышла из криминала. Тезис, обозначенный в заглавии книги, не подкреплен убедительными аргументами. Критические оценки в отношении российского общества нередко основаны на противопоставлении с демократическим, правовым, продвинутым Западом, на простых оппозициях политической теории: западный капитализм vs. постсоветская аномалия, правовое государство vs. правовой нигилизм, сильные

институты vs. слабое государство. Отсылки к тотальной коррупции и авторитарному путинскому режиму дополняют картину. Тем не менее нужно отдать автору должное за смелость, с которой она обращается к наименее изученным страницам новейшей истории России. Более того, Стивенсон в какой-то степени бросает вызов академическому сообществу, где пока что исследования брутального бандитского мира остаются прерогативой мужчин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева, Любовь. 1991. *Казанский феномен: миф или реальность*. Казань: Таткнигоиздат.
- Волков, Вадим. 2005. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. М.: Издательство государственного университета «Высшая Школа Экономики».
- Гуров, Александр. 1990. *Профессиональная преступность. Прошлое и современность*. М.: Юридическая литература.
- Салагаев, Александр и Маргарита Позднякова, ред. 2005. *Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии: наркотизация, алкоголизация, преступность, коррупция*. М.: Институт социологии РАН.
- Сафаров, Асгат. 2012. *Закат казанского феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Adamson, Christopher. 2000. "Defensive Localism in White and Black: A Comparative History of European-American Gangs." *Ethnic and Racial Studies* 23(2):272–298.
- Gambetta, Diego. 1993. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Salagaev, Alexander. 2001. "Evolution of Delinquent Gangs in Russia." Pp. 195–202 in *The Eurogang Paradox: Street Gangs and Youth Groups in the US and Europe*, edited by Malcolm W. Klein, Hans-Jürgen Kerner, Cheryl Maxson, and Elmar Weitekamp. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers.
- Stephenson, Svetlana. 2006. *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. Aldershot, UK: Ashgate.